

умножались. По-видимому, рабство теряло всякое производственное значение. Интерес к эксплуатации работ в среде господствующего класса падал. Византийское правительство отдавало предпочтение «новым, более выгодным и прогрессивным формам эксплуатации перед рабством» (с. 41).

Законодательство этой поры обнаруживает стремление более остро противопоставить не столько рабов и свободных, сколько разные категории самих свободных, сближая низшие их категории с рабами. Центр внимания законодателей перемещался с рабства на колонат. На землях фиска (да и в частных имениях) некоторые категории колонов тракуются в официальных законоположениях как социальный слой, близкий к рабам (с. 42—43).

Государство шло по пути прикрепления колонов к земле, которую они обрабатывали. Некогда свободная аренда (хотя она и не исчезла полностью) трансформировалась теперь в крепостную зависимость. Однако, хотя закон ставил колонов в неравноправное положение с их господами, колоны обладали некоторыми правами свободных: пользовались юридической защитой, имели собственность на имущество (даже недвижимое), право на вчинение иска своим господам.

В тесной связи с пониманием сущности колонатных отношений рассматривает Е. Э. Липшиц вопрос о развитии в Византии IV—V вв. юридических понятий собственности и владения. Она выявляет глубокие перемены в это время в понятии категории собственности сравнительно с классическим римским правом, в котором оно резко противопоставлялось владению. Автор рассматривает эту трансформацию как длительный процесс, начавшийся еще до кризиса III в. (изъятие из права полной и нераздельной собственности землевладельца кладов и полезных ископаемых) и ускорившийся при Диоклетиане, который обязал собственников-римлян государственным налогом, т. е. распространил на Италию порядки, существовавшие в провинциях (римская кварталская собственность считалась несовместимой с тяготами в пользу государства, провинциальные налогоплательщики выступали поэтому лишь как владельцы имущества, собственность на которое принадлежала «императору, римскому народу») (с. 55—56).

Понятия «собственности» и «владения» становились взаимозаменяемыми; появились неведомые классическому праву виды собственности (собственность без фактического обладания; собственность, предоставленная на время; раздельная собственность, собственность на постройки на чужой земле и т. д.), как и неизвестные ранее виды владения (владение с правом наследования, даже отчуждения; владение колонов и даже рабов, пользующееся юридической защитой; владение, обретающее статус собственности в силу 30-летней давности и др.). С одной стороны, и узуфрукт, и аренда (например, на землях фиска) стали квалифицироваться как своего рода ограниченная собственность, с другой — права безусловных собственников подвергались ограничениям в пользу государства.

Все эти процессы, по мнению Е. Э. Липшиц, были связаны «с расширением прав Византийского государства». Рост императорских и фискальных доменов и усиление вмешательства властей во все сферы жизни общества «играли определенную роль» в переосмыслении унаследованной Византией терминологии классического римского права.

Исследовательница настойчиво проводит мысль, что колоны имели право владения (подобно позднейшим парикам), а не только право держания: юридическое разграничение «владения» и «держания» в правовых памятниках эпохи очень неясно (с. 70—72). Социальный смысл этих наблюдений и заключений автора суммирован в следующем выводе: «В IV—V вв. совершается процесс становления форм, которые впоследствии в своем развитом виде приведут к типично феодальным формам условной и расчлененной собственности» (с. 72—73).

Рассматривая в этой же главе новые законоположения, касающиеся семейных отношений и направленные на упрочение прав жены и матери (а также детей) и ослабление былого всевластия «главы семейства», Е. Э. Липшиц полагает, что правительство стремилось «стабилизировать семью как одну из важных социальных ячеек общества, на которую могло бы опираться Византийское государство, старавшееся вместе с официальной церковью добиться всестороннего укрепления устоев строившегося нового феодального общества» (с. 47).

В центре внимания государства при уточнениях и модификациях законоположений о собственности и владении, пишет Е. Э. Липшиц, находились государственные домены. Поэтому при сдаче этих земель в аренду частным лицам, «несмотря на непривычно широкие права, которые им предоставлялись, эти лица все же оставались по отношению к собственнику — государству или императору — только владельцами. Причем частные собственники трактовались в законодательстве подобным же образом» (с. 70).

Вытеснение термина «собственность» термином «владение» легко объяснить, если трактовать этот процесс как результат распространения на Италию провинциального понятия «владение», применявшегося ранее в противовес распавшейся в IV—V вв. кварталской собственности (с. 69). Иначе говоря, обретение владельцами прав собственников сопровождалось одновременным ограничением самого понятия собственности: подлинным, верховным собственником всех недвижимостей в империи становилось только государство, император.

В третьей главе Е. Э. Липшиц рассматривает состояние юридической науки в VI в.